

Спустя многие годы Софья как-то ненароком вспоминала ту шальную, счастливую и горестную снежную зиму. Зиму-Вьюгу, властную и обманную. Частенько по весне приезжая-наезжая в своё любимое Замоскворечье из Мещанской сло-

боды, как говаривала её бабушка, Софья всегда обходила стороной старинный одноэтажный особняк с небольшой застеклённой мансардой. А ведь там давным-давно жил великий русский Писатель — *в свои молодые годы.*

— А ведь и *мои молодые годы* начались именно с этого особняка, — прошептала вслух Софья, идя по Ордынке и поёживаясь от налетевшего невесть откуда холодного ветра. — Это в мае-то....

Завернув в подворье Марфо-Мариинской обители, она присела на лавочку, подставила лицо горячим лучам весеннего солнца. Мимо неё ходили молчаливые и строгие девочки-послушницы, и их чёрные силуэты казались Софье большими тёмными бабочками, мелькавшими по празднично развешенному, лилово-белому махровому ковру цветущих сиреней. «А у этих девочек здесь проходят *их молодые годы*, а их особняк — вот эта царственная обитель. Обитель, обитать, жить.... А ведь есть что-то очень родственное и необъяснимое у монастыря и музейной жизни. Даже не скажешь — работа, скорее, — служение...», — провожая девочек глазами, раздумывала Софья. А ведь она всегда молчаливо гордилась, что ей довелось причаститься этой музейной жизни, в маленьком московском особняке — доме Писателя. Именно там она узнала, что музейщики — это особая каста людей. Как многому ей удалось у них научиться! И при этом никто ничему специально не учил,

не наставлял... После этого — первого в жизни — профессионального «погружения» Софья словно пустилась в плавание. Она сама натягивала парус своей лодки, причаливая только к привлекавшим её берегам. Осознание, что каждая пристань — временна, никогда не покидала её, и поэтому она благодарно ценила время, посвящённое своему делу. Ей не приходилось отсчитывать часы своего рабочего дня, ведь они были проживанием её жизни, текущей то стремительно, то плавно, но всегда без остановок. Не раз Софья открывала новые двери, как будто кто-то невидимый подталкивал её вперёд, вселяя в неё жажду *всё начинать сначала*, и придавал силы... «Может быть, это была земная тень великого русского Писателя, оставшаяся на века гулять по Замоскворечью?» — женщина грустно улыбнулась. И всё же Софья Александровна после памятной зимы так и не переступала порога замоскворецкого музея великого Писателя. Она редко думала и о нём, об Угарове. Как было не услышать в этой фамилии предупреждение: не угори! Так ведь угорела, да как! — задохнулась до боли.

Но бывало, грезилось Софье в предрассветной зимней мгле — нет, не Он, а Она — пурга, которая снача-

Ольга Владимировна Шведова — филолог, музеолог, театральный критик. Работала в музее Л. Н. Толстого, Государственном музее А. С. Пушкина. Основатель музея Московского театра О. Табакова. Автор сборника новелл «Арабские арабски», поэтических сборников «Десятигранник» (2009), «Время» (2017), «Москва» (2021). Занимается филармонической деятельностью как автор и исполнитель литературно-музыкальных композиций. Сотрудничала с радиостанциями «Радио России», «Орфей» — как исполнитель и комментатор литературных произведений (2012–2020).

ла ловила свою добычу белой колкой непроницаемой сетью, чтобы потом в миг превратиться в чёрный, угарный, не дающий дышать дым. В этих своих неотвязных снах Софья едва останавливалась перед краем бездонной пропасти — и тогда, открывая глаза, морок давно канувшей в прошлое зимы растворялся в светлом оконном проёме.

...Работа над экспозицией в открывающемся новом филиале мемориального музея закипела буквально сразу после Рождества. Соня, только что закончившая искусствоведческий факультет, каким-то чудом прошла «смотрины» у двух начальниц: главного хранителя и замдиректора по науке. Две миниатюрные, худенькие как подростки женщины, обе с серебристыми волосами — оказались антиподами и сиамскими близнецами одновременно. Одна — коротко подстриженная и блистающая старинными бриллиантами, с полуулыбкой пухлых красивых губ, другая — с причёской «ракушка», уложенной из пышных вьющихся волос, неулыбчивым строгим лицом, щеголиха, каких Соне ещё и не приходилось видеть. Они понимали друг друга с полувзгляда и, нехотя позадавав девушке вопросы, на которые она ничего вразумительно не отвечала, попросили подождать её за дверями кабинета-кладовки.

— Что вы скажете, или, положим, как объясните причину Арзамасского ужаса? — внимательно, прощупывая Соню взглядом от головы до ног, вопрошала «Ракушка».

— Как вы полагаете, голубушка, всё-таки признавал Он Чехова выдающимся писателем или нет? И как менялось Его отношение к молодому беллетристу и драматургу? — поигрывала искрами «Бриллианты», задумавшись о чём-то для себя более важном и перелистывая страницы огромного тома.

Соня тихо опустилась на стул у входной двери. «Ну, при чём тут Чехов? Им же сотрудник музея нужен, чтобы экспозицию создать и задания их выполнять. Лучше бы не взяли. Мне уже сейчас скучно и неприкаянно». Она ещё раз заглянула в ярко освещённый экспозиционный зал. «Большого хаоса и представить себе невозможно» — критически осматривала Соня в беспорядке лежащие на полу чертежи, стопки книг, развёрнутые картонные, разложенные веером литографии. «Какой-то кноскопский лабиринт — не пройдёшь, чтобы не задеть каких-нибудь вещей».

На следующий же день Соня, не поднимая головы, уже ползала, как и другие сотрудницы, по этому лабиринту на коленях, а все вещи теперь стали «экспонатами». И она с жадным интересом перебирала фотографии, подыскивая, указанные «Бриллиантами», перечитывала десятки писем, подбирая нужные цитаты из них. Работа увлекала, но подчас ставила в тупик девушку, не знавшую, как подступиться к сборке экспозиционного фрагмента, сосредоточенно изучая разложенный на полу чертёж-схему.

— Ну-ка, дружок, обставьте эти выдержки из писем к невесте соот-

ветствующем антуражем — чтобы высветилась предыстория, ну и сопутствующие публикации, конечно, — мимоходом бросала через плечо «Ракушка», проходя мимо Сони. На вопросы Сони никто не отвечал, будто не слыша их, и ей приходилось, испытывая стыд и досаду за своё незнание, справляться самой и доискиваться до поставленной руководительницами цели, перелопачивая несколько десятков томов по жизнетворчеству Писателя, музей которого должен был открыться уже в марте.

— Надо срочно вызывать КДОИ, — то и дело, словно заклинание, молитвенно сложив ладони на груди, нараспев, приподнимая худенькие плечики, призывала «Ракушка».

— КДОИ понадобятся, когда витрины и выгородки будут свёрстаны, — отмахивалась «Бриллианты» и её серьги поблёскивали, как снежинки, порхающие и сверкающие в свете зажигающихся фонарей на улице.

Уже обессиленная, Соня поднималась в мансарду, где стоял её письменный стол, чтобы ещё прочитать воспоминания современников Писателя. Здесь было холодно, но Соня ощущала в мансарде что-то летнее: ей представлялось, что она стоит на веранде какой-то дачи с большими окнами-сотами. Каждая высокая створка окна состояла из многих долей, в белых, свежескрашенных деревянных рамках. Снег сыпал и сыпал на двор, сугробы уже почти закрывали окна первого этажа дома, где трудились без усталости пчёлы над своим ульем. Здесь, в мансарде, были

слышны отдалённые негромкие голоса неутомимых музейщиков. Но, смотря в окна-соты, Соня слушала завывания вьюги. Иногда, оцепенев, девушка застывала, замороженная узорами-кристаллами на тонких стёклах. Горячо подышав и потерев рукавом водолазки одну «соту», она следила, как летели стайки снежинок — то в одну, то в другую сторону. И вот снова они прибивались к окну, разглядывая — что же там творится, в этой мансарде, в которой маячила тонкая девичья фигурка.

«Сколько лет этой мансарде? Этому дому? — озадачивалась Соня, усевшись за письменный стол. — Об этом есть что-нибудь в экспозиции? Надо бы завтра проверить...»

Вьюга весело бросала в «соты» всё новые россыпи снежинок. «А сколько мгновений выпадает каждой такой снежинке до того, как превратиться в мокрую точку, а потом и вовсе исчезнуть? Вот какие глупости в голову лезут». Соня вздрагивала и, встряхнувшись, начинала всё по порядку раскладывать на рабочем столе, неспешно натягивать дублёнку, чтобы, закрыв дверь особняка, превратиться в один из многих призраков, блуждавших в пурге на улочках Замоскворечья. «Какая бесконечная зима», — думала она, медленно подходя к метро. «И всё же — такая прекрасная!» Ей нравилось, что в снежном потоке были неразличимы лица прохожих, и даже в обычном московском многолюдье снежная завеса оставляла каждого наедине с самим собой. И она спокойно шла под этим непроницаемым по-

кровом, защищённая от посторонних и ненужных ей взглядов. Белая мгла оставалась за хлобыстающими туда-сюда дверями метро, и неожиданно яркий свет резал глаза. В поезде Соня становилась лицом к окну в самом конце вагона. «КДОИ... Что это такое? Какие-то пришельцы, которых все её коллеги ждут как манну небесную, или волшебники, готовые превратить сложенные на полу экспонаты в музейный дворец?» Соня понимала, что все они, от МэнЭэСов до докторов наук, день за днём только и готовятся к тому, что КДОИ придут и сотворят музейную экспозицию. Но дни шли за днями, а КДОИ не появлялись. Кроме многих самых разных заданий — отчистить до блеска жирандоль, протереть стёкла витрин — девушке было велено подготовить свой вариант экскурсии по будущему музею. «Экскурсии по музею, которого пока нет?» Те вещи, книги, письма, что Соня видела разложенными на полу на двух метровых картонах — всё это никак не походило на макет, стоящий на высокой тумбе. Он возвышался языческим идиолом в середине зала и к этому божеству то и дело подбегали с блокнотами «Ракушка», сияющая «Бриллианты», а за ними и все остальные сотрудницы будущего музея, вращая макет вокруг своей оси, словно карусель. Соня опять подымалась в мансарду, чтобы немного передохнуть и выпить чашку чая. В окна-соты то и дело стучала вьюга. «К-Д-О-И, — нараспев позвала Соня вьюгу, — вот подходящее название для пурги». А пурга уже несколько

недель подряд вилась над городом и оседала в большие, плотные, точно сытые сугробы. Но кончился снегопад, а вслед за ним пришпорили размягчённую снежным пухом землю крещенские морозы. Солнце в конце января ярко билось в каждую оконную соту, а в мансарде ещё сильнее похолодало. Соня принесла из дома большой, козьего пуха бабушкин платок, совершенно скрывавший её миниатюрную фигурку в джинсовом сарафанчике.

— Соня! Ну — вы настоящая замоскворецкая купчиха, — снисходительно качая головой, с неодобрительной усмешкой, в безукоризненно сшитом костюме-джерси встретила её «Ракушка».

— Вообще-то — у меня дворянские корни, — едва выдержав небольшую паузу, неожиданно для себя самой ответила молодая сотрудница. «Боже мой, что я сказала? Ведь и дома на эту тему говорят редко — и то при близких родственниках!»

— Да, это по вам очень заметно, мы поэтому-то вас и взяли, — уже по-деловому и дружески произнесла замдиректора по науке. «Ну, и на этом спасибо», — подумала с облегчением Соня, но про КДОИ спросить не решилась. «Обязательно в лужу посадит, надо как-то самой докопаться. Вот расспросить бы у подруги-архитектора. Она уж точно знает — кто это такие». Но из-за дел и поручений на работе, срочно подготовляемой экскурсии Сонин вопрос о КДОИ исчез как пурга за окном мансарды. Теперь, выходя на крыльцо особняка, кутаясь в ба-

бушкин платок, Соня жадно глотала свежий морозный воздух после духоты и книжной пыли экспозиционного зала, переминаясь с ноги на ногу, чтобы не замёрзнуть, и хрустя крепким крошащимся снегом. Здесь, в музее, вообще не знали, что такое «рабочий день», когда он начинается и когда заканчивается. Соня по наитию и об этом решила не осведомляться. «Всё равно — раньше одиннадцати приходить не буду», — твёрдо решила новоиспечённая сотрудница, но со всеми заданиями до позднего вечера справлялась охотно и добросовестно. В раскладке книжной витрины Соня быстро поменяла «Ярмарку тщеславия», затесавшуюся в тома французских просветителей, на отложенную на подоконник тоненькую книжицу Руссо. Соня перепроверила по каталогу: «Да, великий русский Писатель читал Руссо в *свои молодые годы* и даже оставил пометки на полях. Хорошо бы её в витрину положить раскрытой вот на этой странице. Надо это завтра «Бриллиантам» предложить». Соня записала это в своей рабочей тетрадке. «А вот её научные труды интересно бы почитать, — задумалась Соня. — Но когда? Ночью разве что». Уже покачиваясь в вагоне метро, она раскрыла одну из статей своей музейной руководительницы. «Какая же здесь может быть наука? — отрывая глаза от текста, размышляла Соня. — Жил человек, думал, любил, страдал, боялся, раскаивался, злился и... писал! Писал книги — нет, писал русскую жизнь, будто всё видел с птичьего полёта... или из прошлого...

а может, из будущего? И мог как чародей и духовидец проникнуть в суть каждого существа.... Мыслима ли тут наука?!... Разве возможно логически, точно, наверняка познать сам феномен гения?..»

Но вот эскалатор катился вверх, а Соня не переставала подбирать тематическую связку в своём предполагаемом экскурсионном рассказе от дня венчания-женитьбы Писателя к его последующим произведениям, опубликованным вскоре после этого столь значимого события его жизни.

— Сонюшка, так нельзя, — сетовала бабушка, заглядывая к ней в поздний час и видя сидящую по-турецки внучку с открытым томом в руках. — Ты уж и смеяться скоро с этим музеем разучишься... И почему мальчик из МИДа тебе больше не звонит? Он ведь тебе нравился, в театр приглашал?

— Да, бабуля? — поднимая на бабушку ясные карие глаза, удивлялась Соня. — А давно не звонит?

Бабушка только развела руками.

— Он даже заходил раза два, да и сконфузился, замолчал. Так ты, Сонюша, только к десяти и являешься. Ведь не сталинские нынче времена...

— Я ведь ещё учусь, бабуля. Первая настоящая работа — музей! Всё одним словом сказано. Да и запарка страшная — открытие на носу. Да ты, бабуля, не поймёшь.... К тому же вот-вот должны придти КДОИ... Кто такие? Соня заглянула в бабушкины до слёз любимые близорукие глаза.

— Кто, кто? — переспросила бабушка, садясь на краешек Сониной тахты.

— К! Д! О! И! — они должны всё оформить, собрать экспозицию, сделать, наконец, музей — понимаешь, бабуль?

— А что тут непонятного? Какая-то аббревиатура. Что такое «К»? — бабушка пожала плечами, — не представляю даже, а если «О» — то, наверняка, оформить, стало быть, декорировать. Ну, а «И» что-то явно связано с искусством, — убедительно рассуждала бабушка. — Ты сама-то подумай, умница моя!

Напрасно сказала бабушка такое Соне, словно не знала она свою беспоконную и дотошную внучку. Засыпая, Соня складывала в какие-то геометрические фигуры «Искусство», «Декорацию», «Оформление» и «К» — «Кто-то». С него должен был начаться квадрат или треугольник? Или закончиться? То в темноте чётко вырисовывался треугольник с «Кто-то» в своей вершине и бил в левый висок едва задремавшей девушке. Она ворочалась в постели, стараясь заснуть, отбросив все мысли, но лишь забывшись, где-то далеко из черноты начинал маячить квадрат, покачиваясь из стороны в сторону, точно маятник. Но инкогнито «К» в этом квадрате так и не объявлялся, прячась в пыльных, беспорядочно набросанных декорациях невесты откуда взявшегося театра. Соня пыталась заглянуть за кулисы, но ноги путались в натянутых невидимых верёвках. И Соня, схватившись за остов полусломанной арфы, чуть не падала. «Плохая примета, — просыпалась Соня, — когда ноги не слушаются во сне. Искусно... оформить...

декорацию... — наверное, что-то близкое к истине, — уже в предрасветной мгле мнилось Соне, и она крепко засыпала на два часа январского позднего утра.

Настал день и пришёл час, и явились, наконец, вызванные «Бриллиантами» КДОИ. А в действительности — это оказался вовсе не «квадрат», а три богатыря, трое крепких молодых парней, и, как принято у записных художников, небрежно, но дорого и со вкусом одетых. А Соню поразило — как же не похожи они были друг на друга. И всё-таки они вписывались в треугольник из Сониного сна. Лактаев возглавлял трицу из Комбината декоративно-оформительского искусства. «Ах, вот они, КДОИ: букв больше, чем персон», — с интересом разглядывая каждого художника-профи, подумала Соня.

— Александр, можно просто Саша, — с нарочитой любезностью, приложив руку к груди, поклонился Лактаев сидящим в кружке женщинам.

Дядю Мишу, сторожа, единственного сотрудника-мужчину решено было не звать на знакомство, да и работал пожилой охранник по ночам. Сразу освоившийся и чувствующий себя как рыба в воде в новой обстановке, Лактаев расположил к себе обеих «главных» да, пожалуй, и всех сотрудниц музея с первого дня работы. Он — блондин с модной стрижкой, широкоплечий и белоzubый — был, несомненно, женским баловнем. Его серые и цепкие глаза так и стреляли из стороны в сторону, в то время как «Ракушка» с во-

одушевлением принялась разъяснять, что к чему и куда вообще эти мастера попали.

— Понимаю, понимаю, — уже довольно бесцеремонно усевшись в кресло-бержер и положила ногу на ногу, этот блондин почти не вникал, как казалось Соне, в размеренную и напичканную музейными терминами, как изюминами булка, пафосную речь «Ракушки». Её вскоре заменили переливающаяся в солнечном свете «Бриллианты», также горячо и эмоционально объясняя «сложнейшие задачи, которые выпали им на долю» и «в какую святая святых они попали».

— И заметьте, — почти проследившись, продолжала «Бриллианты», — на нас смотрит вся Москва.

«Вся Москва» для женщин, проработавших в музее более сорока лет, означало, что оценивать новую экспозицию придут все директора и хранители литературных музеев Москвы, ведущие критики-музеологи и литературоведы, знатоки творчества Писателя. Соня как-то поёжилась: «Как же в одном зале, правда, очень большом, поместится «вся Москва»? Особняк лопнет! Не жалко им, что ли, этот мемориальный дом, да ещё такой ветхий». Лактаев одобрительно кивал, но не слушал. Во всяком случае, Соня в этом уже не сомневалась. Он ей не то, чтобы не понравился: этот молодой мужчина как раз производил впечатление человека, для которого «невозможного — мало». Не было сомнения и в том, что под его руководством весь их музейный женский монастырь закружится хороводом. Лактаев то

и дело поглядывал на Соню, а она в своём треугольнике из навязчивого сна сразу окрестила его «Декорацией». На правой руке художника поблёскивало обручальное кольцо, что должно было обезопасить женские сердца музейной обители.

— Так вот, я не договорил, — мягким баритоном подытожил Лактаев ответное слово сотрудницам. — Мои друзья, пардон, коллеги, одним словом, мастера — супер! Европейский уровень!!!

Все притихли.... Такой способ изъясняться в музейных стенах оглушил собрание взорвавшимся снарядом. Здесь все сотрудники не только обращались друг к другу на «Вы», но даже тональность каждого слова выверялась и не могла быть небрежной. Таков был задан общий тон.

— Саня, как там тебя? — Александр Угаров, прошу любить и жаловать. Ну... Отличный мастер, правда, не без недостатков, — подмигнул Лактаев черноволосому художнику. — В общем — тёзки. Так что величайте, сударыни, Саней. Сань! Не возражаешь? — бросил через плечо Лактаев своему товарищу.

— Н-н-нет, — ответил Саня явно смущённо из-за своего небольшого заикания. Его словно специально подбирали в противоположность Лактаеву. Выше Александра, Саня был тонким, худощавым и жилистым молодым мужчиной с очень запоминающимся, каким-то неславянским, тонко прочерченным, чуть вытянутым нервным лицом. Оно напомнило Соне лики святых крит-

ских икон. Точно один из них, недавно виденный ею на выставке икон с древнего острова, решил, что его лицо должно принадлежать этому современному человеку. Его всегда смеющиеся, синие как небо в ясный июльский день глаза широко распахивались, когда он сосредоточенно выслушивал объясняемую ему новую деталь экспозиции. Искорки радости то и дело возгорались в синеве безо всякого на то повода. Точёные кисти с тонкими длинными пальцами («Тоже как у святых», — подумала Соня) определили его специализацию в этом магическом Комбинате. Угаров занимался крепежом и развешиванием самых изящных и хрупких вещей. Несмотря на схожесть его лица с критскими ликами, чёрные, вьющиеся, довольно длинные волосы выдавали в нём что-то цыганское и залихватское. Серьёзным Угаров бывал только в процессе работы, а в редкую свободную минуту — цеплял небезобидными шуточками Лактаева, кривясь при этом ехидной улыбкой.

— Сан Саньч, — обращался Угаров к стоящему под потолком тёзке. — П-падать будет больно.

Угаров немного запинался на каждой фразе, и это ему даже шло. Он как будто бы так шутил. Но Лактаев был с ним откровенно груб, даже когда его слышали все сотрудницы.

— Хватит! У-у-угаров! Урод!

Музейщицы переглядывались смущённо, будто и слов-то таких не знали. Нескрываемое соперничество Александров молчаливо гасил Игорь Бугров. Он вкрадчиво, тихим голосом спрашивал у руководителя

сборки экспозиции и, понимая кивая головой, зарисовывал нужные схемы в свой блокнот. Игорь был вообще немногословен, от него точно веяло надёжностью и доброжелательностью. В первые дни «приземления» КДОИ Бугров часто работал с Соней в паре, и она испытывала к нему искреннюю сестринскую доверчивость. Сонин «квадрат» затерялся в её прошлых беспокойных снах и перед ней выстраивался на глазах треугольник: Лактаев, Угаров, Бугров стали его вершинами. Игорь был самым старшим по возрасту, что было заметно, но покорно выполнял громогласные распоряжения Лактаева. Ему, невысокого роста, коренастому, с сильными руками поручали подвешивание самых тяжёлых конструкций. Соня почти с первого дня ощутила на себе его, словно невзначай брошенные, но, в то же время, пристальные взгляды. Приветливая полуулыбка пряталась в чёрных усах и бороде. Ей были приятны и его молчаливость, и вежливость со всеми дамами и молодыми женщинами. В зале, где все занимались своим делом, свободного места совсем не оставалось, а народу набиралось человек по пятнадцать. То и дело приходилось кого-то задевать — то локтём, то боком, но Игорь предупредительно пропускал всех вперёд, а сам стоял, думал и перелистывал свои записи. Когда можно было двигаться, он искал Соню по залу своими тёмно-кариими глубоко посаженными бархатными глазами и начинал потихоньку пробираться к ней. «Вот кто — явно «Искусство»! Бугров

как-то, присев рядом с Соней на ступеньках лестницы в мансарду, перелистнул свой альбом карандашных зарисовок храмов Замоскворечья.

— Знаете, Соня, когда смотрю на «Воскресение в Кадашах», просто сердце кровью обливается — ведь сыпется же у всех на глазах. А какая красота неопишная, — Игорь горестно смотрел на свой рисунок.

Дня через три после прихода КДОИ Бугров подал Соне дублёрку, судя по всему — специально дожидаясь, когда она начнёт собираться домой.

— Ничего, что я без приглашения поднялся к Вам?... В мансарду, — поправил себя Игорь.

— Так что уж теперь спрашивать? — кокетливо откликнулась Соня, обёртывая голову голубым шарфом. Оба утомлённые, они вышли на улицу и, не сговариваясь, глубоко вдохнули свежий морозный воздух. Опять откуда-то налетела метель, и Соня закрывала шарфом пол-лица, чтобы не простудиться после утомительного дня. Бугров стеснялся предложить ей идти с ним под руку. И, завернув за ворота дворика особняка, Соня сильно поскользнулась и чуть было не упала, если б её не подхватил вовремя Игорь.

— Вы что, Бугров, боитесь меня? — с усмешкой спросила Соня, — так я не кусаюсь. Я ведь могла голову разбить... («Но ведь не потерять?») — подумала про себя Соня.

— А вы, Сонечка, — вовсе не тихоня, — улыбаясь в уже убелённые снегом усы, взглянул на неё Игорь.

«Влюбился». Соня поняла это в одну секунду, поняла по чуть дрожа-

щему голосу, по тому, как крепко и бережно держал он её за локоть. Она деловито шла с ним под руку уже от метро, разрешив проводить себя до дома.

— На чашку чая не зову, извините. Мои уже ко сну готовятся, — дружелюбно пожала ему руку Соня. Он быстро стянул с руки свою кожаную перчатку и поднёс к губам её руку в мокрой от снега шерстяной варежке.

— До завтра? — с нежной неуверенностью спросил Бугров, не отпуская Сониной руки.

— Ну конечно, ведь работа, — уже стуча сапогом о сапог и стряхивая снег с воротника, без улыбки, серьёзно ответила она. Игорь, растерявшись, смотрел на неё.

— Грациозно сбивают рыхлый снег с каблучка, — неожиданно для себя самой весело пропела Соня.

— До свидания, Соня. Я подожду, пока Вы войдёте в подъезд, — прозвучал его тихий, но уже более уверенный голос. Соня поднималась в лифте на свой девятый этаж. И уже откровенно зевая от усталости, всё-таки раздумывала о своём заколдованном треугольнике — или квадрате? «Может, появится ещё кто-то четвёртый? А вдруг Бугров — и есть «кто-то»? Он ведь нравится мне, такой воспитанный, не то, что те двое». Но после этого провожания, о котором на следующий день почему-то уже перешучивались Лактаев с Угаровым, все роли на музейной сцене резко переменились. Ни Лактаев, ни Угаров просто не давали Игорю подойти к девушке, выстраивая рабочий процесс так, что Соня

каждую минуту была вынуждена отвечать на вопросы Угарова, которого, в чём она не сомневалась, «приставил» к ней Лактаев.

— Софья Александровна, как будем ставить венчалный дагерротип? Под углом или прямо?

Соня задумалась: «Действительно, как же интереснее будет для зрителей? Как ещё свет будет падать, надо бы учесть». Угаров, не давая Соне сосредоточиться, не унимался:

— А Вы сами всегда ходите по прямой? Или п-под углом отваживаетесь?

— Послушайте, Саня, — как можно мягче проговорила девушка, — может, обойдёмся без лишних вопросов, к делу не относящихся?

— Моё главное дело — Вам понравиться. У меня есть шансы? — Угаров улыбался, и его васильковые глаза засветились, ловя Сонин взгляд.

— Почти нет, — сухо ответила Соня.

— «Почти нет» — значит, «почти да». Ведь говорят, надежда умирает последней?

— Вы придумали бы что-нибудь поновей, — отрезала Соня. Но посмотрев на его лицо, только что весёлое, и вдруг превратившееся в испуганное, выдававшее в нём что-то детское и незащищённое, Соня почувствовала, что начинает сдаваться. Широко распахнутые тёмно-синие глаза с мольбой глядели на Соню. «Это всё глупая игра — нужно только умно подыграть. Он вовсе не в моём вкусе. Вот Игорь...» Но сердце Сони начинало учащённо биться именно при приближении к ней Угарова.

«Неужели Угаров — «Кто-то»? Не может быть! Я ничего, ничего в нём не нахожу — да и пляшет он под дудку Лактаева». А уж с ним Соня вообще решила держаться осторожно. Лактаев хитро подбадривал какими-то только им понятными жестами и ужимками своего тёзку и притом успевал осыпать сомнительными комплиментами Соню.

— Софья Алексан-на, Вы здесь, радость наша, патиной покроетесь, во-он, как тот подсвечник, — Лактаев стоял у макета, сложив руки на груди и сочувственно качая головой.

— Он, между прочим, мемориальный, — назидательно отбивала удар Соня.

— С вашими данными на телевидение надо продвигаться. Не пойму, как вас занесло в эту глушь?

— Заносит вас, господин оформитель, с вашими фантазиями... Вы, наконец, мешаєте.

Соня, помрачнев, продолжала раскладывать фотографии в только что установленной витрине.

— Т-точно, т-точно, — подхватил Угаров Лактаевскую песню, — если б не было т-таких девушек в музеях, кто бы в них т-тогда ходил?

— Хватит вам пошлости молоть, — обрезала обоих Софья, — сегодня надо ещё две выгородки полностью закончить.

Соня не теряла надежду настроить двух умников на серьёзный лад.

— Сейчас Марина придёт, не вздумайте при ней такое откалывать.

Марина Николаевна была старшим научным сотрудником главного московского музея Писателя,

хотя ей недавно исполнилось двадцать восемь лет. Высокая и осанистая, с гладко зачёсанными русыми волосами, убранными в скромный пучок на затылке, Марина деловито снимала пальто и несколько минут, стоя в дверях, молча осматривала экспозиционный зал. Её простое крестьянское лицо, усыпанное нежными веснушками, почти всегда было напряжённо-сосредоточенным в часы работы. Но в её маленьких голубых глазах чуть что — вспыхивали озорные смешинки, выдававшие весёлый нрав.

— Здесь только старыми девами и становиться, вот как я, — услышав что-то из разговоров в зале, задорно вмешалась вошедшая Марина.

Она знала всё досконально о музейном деле и уж, конечно, всё о биографии и творчестве русского гения. С ней работа пошла побыстрее, да и художники немного уgomонились. Подойдя поближе к выгородке, которую они монтировали, Марина без колебаний стала указывать, что и как надо подвесить, разложить, поставить.

— Ух! — вот и готов рабочий кабинет! Почти всё точно как в макете. Ура! — обедать, — удовлетворённо и энергично подытожила Марина, утирая руками утомлённое лицо.

— Здесь рядом где-то есть столовая, при каком-то НИИ, кажется? Может, знаете, Марина Николаевна? — учтиво улыбаясь и заглядывая ей в глаза, спросил Лактаев.

— Может быть и знаю, — весело прозвучал певучий голос Марины. — Собирайтесь!

Соня, тихо отойдя в сторону, стала медленно, ступенька за ступенькой, подниматься в мансарду. «Не пойду, не хочу слушать больше их шуточки. Надоело. Здесь перекушу». Соня открыла свою сумку. Но только она принялась за бутерброд, в дверях беззвучно и неожиданно выросла фигура с бледным лицом, обрамлённым чёрными кудрями.

— Соня, м-мы вас ждём, мы б-без вас не пойдём, — уже хитро улыбаясь и стоя на пороге мансарды, тихо проговорил Угаров.

— Ну, как хотите, — проглотив чуть не застрявший в горле кусок бутерброда с сыром, поперхнувшись, прошептала Соня.

— Соня, м-милая, у меня б-без вас п-пропадает аппетит, и... вообще, — Угаров явно растерялся и не двигался с места.

— Санька! Ты что, оглох, что ли, ко всему прочему? — гаркнул снизу Лактаев. — Не знаешь, как девушку одеть?

Проскрипели под тяжёлыми и быстрыми шагами старые ступеньки, и из-за плеча Угарова показалась белочья ушанка Лактаева. Соня стояла с бутербродом в руке в нерешительности и, не представляя, что бы ещё придумать и всё-таки отказаться. Лактаев одним движением плеча отодвинул стоящего в проёме двери Угарова и вплотную подошёл к девушке.

— Зато — учтите, обожаемая Софья Алексан-на, он, — Лактаев пристально взглянул на приятеля, — отлично знает, как девушку раздеть.

Лицо Угарова исказилось гримасой отвращения.

— Будьте осторожны, это я вам, — уже почти шёпотом на ухо Сони заговорщицки продолжал Лактаев, — как старший товарищ, по секрету.

— С-сашка, п-прекрати, — побаскивал, проскрежетал зубами Угаров.

— Ну, как знаете, моё дело предупредить, — Лактаев ловко смахнул висящую на плечиках дублёнку и приблизился с ней вплотную к спине девушки.

— Прошу вас, сударыня — время не ждёт. Соня молчаливо подчинилась, уже ненавидя себя за покорность, и молча просунула руки в тёплые овчинные рукава. Вчетвером они вышли на улицу, где взад-вперёд сновали в обеденный перерыв служащие и неторопливо прогуливались прохожие. Лактаева решительно под руку взяла Марина, Угаров и Соня шли вслед за ними рядом. «Куда же это Игорь сегодня подевался?» — вспомнила Соня, вспомнила — да и забыла.

— Поторопимся, ребятки, — командным тоном прозвенела опытная музейщица Марина Николаевна. — Тут близко.

Бойко взглянув на своего кавалера и обернувшись на бредущую за ними парочку, Марина заливисто рассмеялась.

— Ну, вы прямо, как на похоронах... А знаете, кстати, почему не стоит заниматься любовью на площади? Нет? — она снова обернулась к молчаливо идущим Угарову и Соне, — это не я спрашиваю, это армянское радио спрашивает.

Соня поморщилась. Ей было неловко самой и за свою старшую кол-

легу. «Ну и метаморфозы, — чуть не вслух подумала Соня. Ведь в музее Марина казалась ей такой благовоспитанной, всегда державшейся с ней немного свысока. Марина Николаевна при каждом удобном случае выказывала свой пиетет перед великим Писателем. — Да, да — это ведь её слова: “Мы все служим Ему и тем самым припадаем к вечности!”» Соню даже передёргивало от этой нарочитой высокопарности. Теперь, выслушивая весь этот вздор, которым сыпала Марина, Соня искоса поглядывала на Угарова — тот хмыкнул и отвёл глаза в сторону. «И этот туда же, — с непонятной ей самой горечью подумала девушка, — зря пошла».

— Ну, почему же? — не унималась Марина, круто обернувшись на ходу и обращаясь только к Угарову.

— Я-то — з-знаю, но вот девушке лучше н-н-не знать, — сквозь тихий смехок, заикаясь, изворачивался Саня.

— Значит, не знаете! — подмигнула Марина Угарову, — а ведь анекдот «с бородой».

— Замучают советами. Вы удовлетворены?! — резко, но снисходительно, обращаясь к Марине, отчеканил Лактаев. Соня понимала: именно он поставил самоуверенную Марину Николаевну в неудобное положение. Но Марине удалось быстро справиться с едва заметной неловкостью, и она, уже явно не желая сдаваться и отступить от щекотливой темы, продолжала в том же духе. Эта музейщица-профессионалка, как оказалось, была напичкана двусмысленными байками.

— Я не хочу обедать, — обратилась Соня к Угарову, когда они чуть приотстали от первой пары, — я, пожалуй, просто погуляю.

— А м-можно я с тобой? — легко прикоснувшись к Сониному плечу и остановившись, преградил ей дорогу Угаров.

— А мы разве пили на брудершafft? — недовольно приподняла смоляные дуги бровей Соня.

— Так это мы п-поправим. Д-давайте сегодня — мочи нет ждать.

— Чего ждать? — Соня задалась целью осадить его напор. Они незаметно от быстро шагающих впереди Лактаева и Марины свернули в глухой переулок.

— Т-тебя ждать — к-каждый день, каждую минуту, к-каждую секунду, — Угаров как-будто шутил, но его обычно бледное лицо пылало, губы нервно подрагивали. И вдруг Соне передалось его волнение. Она видела перед собой только горящие васильки его глаз и с беспощадной неотвратимостью осознавала: он — «Кто-то!»

— Неужели Вы, Соня, С-сонечка, н-н-не чувствуете, н-не видите?

Вечером этого же дня они сидели в кафе на Ордынке, где Угарову удалось заказать столик. Фамилия, которую он шепнул администратору, Соне слышалась как Лакаев. Бутылка шампанского была наполовину выпита. Саня сидел напротив девушки и не отрывал взгляда от её лица.

— Вы меня смущаете, не смотрите так пристально, — Соня опустила глаза. — Это даже как-то неприлично с вашей стороны, Саня.

— С т-твоей... Мы ведь уже выпили на б-б-бр..., ну, на ты.

— Хорошо, с твоей, — Соня нырнула в васильковый колодец и усилием воли вынырнула. — Но уже поздно, мне, пожалуй, пора.

— Что ты, С-сонечка, что ты? Ещё по бокалу, и вот — чёрная икра, т-ты не притронулась. Это т-только для тебя, — они чокнулись безо всякого тоста и выпили ещё по бокалу. Угаров совершенно не старался быть галантным и ухаживать за своей дамой за столом. А Соня не переставала спрашивать себя: «Неужели «Кто-то» — это он? Угаров? И он такой... такой странный». Она гадала, стараясь понять: то ли он совсем потерял голову от влюблённости, то ли пребывал в каком-то забытии, погрузившись в себя.

— Ты знаешь, — медленно начал Угаров, — у тебя п-потрясающее лицо, такое интересное, т-таких не бывает... Я бы даже н-не смог написать т-твой портрет. Оно — ну... в к-к-каждую секунду меняется. Н-неуловимое... иное, — он завороченно, по-детски бесцеремонно смотрел ей прямо в глаза. Соня уже не смущалась. Она с удивлением видела перед собой совсем другого Саню — растерянного и какого-то несчастного.

— Д-дай руку, Соня, прошу, — он протянул ей через стол свою ладонь. Соня, немного захмелевшая от усталости, мороза и вина, чуть было не взяла его за руку. Но в это же мгновение на плечи сидевшего напротив неё Угарова опустились холёные крупные, чуть покрасневшие пальцы с обручальным кольцом.

— А что, Софья Алексан-на, метечко-то хорошее подыскано?.. Не имей сто рублей! Мне-то шампанского оставили, голубки вы мои?

— Т-тебе нельзя, С-сашка. Ты ж за рулём!

— М-м-м... нда-а... Что правда — то правда, — весело и, заговорщицки смотря на Соню, громко отодвинул стул Лактаев и уселся за их столик. — Но один бокал, как исключение! За такую леди, вернее мисс Софью! За Софью Алексан-ну кто не позволит мне выпить?

— Я н-не позволю, — отодвигая свою пустую тарелку и нервно сжимаемая в кулаках белую скатерть, прошипел Угаров. — Т-ты ведь теперь з-за нами увяжешься, — неожиданно развязным, но уже знакомым Соне по их обычным перебранкам с Лактаевым тоном, проворчал сникший Угаров.

— Фи, топ аті, кель выражанс? Увяжешься... Соня, как вы это терпите?! У-у-угаров! Ты неподражаем. Учи тебя, учи, а ты — всё Филиппок, — уверенно завершил своё назидание Лактаев. — Я барышню должен в экипаже домой доставить. Ведь так, принцесса? — с отеческой улыбкой обратился Лактаев к Соне.

Она, поражённая, взглянула на Угарова. Саня, играя скулами, побледнев от ярости, грозил кулаком Лактаеву уже из-под стола. «Декорация», вольготно расстегнув замшевый пиджак и потягивая шампанское, рассказывал что-то о последней премьере в Доме кино. Соня, дав закончить ему какую-то фразу, встала, сказав, что ей нужно возвра-

щаться домой. Лактаев и Угаров, оба как по команде поднялись, и они все трое вышли в гардероб. «Нет. Это всё-таки какая-то нехорошая игра. Ничего не понимаю. Чего они доби-ваются?» — силилась сообразить уже порядком изнурённая Соня. Лактаев предупредительно распахнул дверь «Жигулей» рядом с водительским сиденьем.

— Дамы — только вперёд! А провозжающие — могут быстро попроситься, — Лактаев самодовольно ликовал.

— Б-брось, Сашка! Соня, садись назад! — умоляюще смотря на девушку, просил Угаров.

Но Соня уже была на переднем сиденье.

— Может ты, командир, и авто поведёшь? — через плечо бросил Лактаев обескураженному товарищу.

Угаров безнадёжно махнул рукой и молча сел в автомобиль позади Сони. «Почему он подчиняется Лактаеву, не поставит его на место?» Она чувствовала себя утомлённой, безвольной. Досада на обоих «кавалеров» тяготила, а в душе чёрной взвесью оседала разочарованность. «Значит, не он — «Кто-то»?! Быстрее бы оказаться дома». Закрыв за собой входную дверь как можно тише, Соня прислонилась к притолоке. Свет в передней ещё горел, и она увидела себя в зеркале, в голубом шарфе на голове, совершенно неузнаваемую, с выбившимися каштановыми прядями волос, с затуманенными и счастливыми глазами. Она стояла и смотрела на ту, в зеркале, не в силах раздеться, останавливая и продлевая

эти упоительные мгновения самозерцания. «Глупая, ох, Господи, какая же я глупая! Они же просто играют, может, даже поспорили, а я...» Соня резко отвернулась от зеркала.

— Ну, ты совсем пропала, Софка, — мама в ночной рубашке приоткрыла дверь своей спальни, — красивая до чего... Ты сейчас похожа на цыганку Машу!

— Ш-ш-ш, — поднесла палец к губам очнувшаяся Соня, — с ребятами-художниками в кафе после работы зашли. Завтра расскажу.

Но и завтра рассказать маме дочка опять ничего не успела. Каталась дочка Софка на санях с высоких гор в Коломенском, рискуя каждый раз, в снежном фонтане летя вниз, сломать себе шею. Соня вспоминала налету — как любила она в детстве это зимнее развлечение. В эти февральские вечера, несмотря на всё ускоряющийся темп работы в музейном особняке, Соня, с гулко стучащим сердцем, катила в «Жигулях» Лактаева, не отнимая руки из горячих ладоней Угарова, к воротам парка. Александр достал у своих друзей какие-то огромные финские сани, и они втроём вот уже три вечера подряд ездили на высокий берег Москва-реки. Соня в темноте не различала, кто сидит впереди на санях и за кого она держится: за Лактаева или Угарова? Ледяной пылью обдавало лицо... И вот, не удержавшись на подпрыгивающих и несущихся вниз санках, они уже катились вниз, хоча, со вскриками, крепко обхватив друг друга. Лёжа на снегу, со сбившемся с головы голубым шарфом,

Соня только сейчас сообразила, что Саня нарочно сдёрнул её с саней и покатил вниз, обняв и прижавшись к ней. Его глаза то загорались над ней, то девушке приходилось утыкаться лицом в его жёсткую худую щёку. Секунды или вечность продолжалась эта опасная забава «перекати поле». То он на ней, то она на нём. «А он не так уж и безопасен, как представляется», — мелькнула мысль у Сони, лежащей на холодном иссиня-белом покрове. Мелькнула и упорхнула. Она зажмурилась и взглянула вверх: над ней склонились «Декорация» и «Кто-то». Незаметно, но уверенно Угаров уже занял вершину Сониного бредового треугольника.

— Я устала, не могу подняться, — растягивая слова, шаловливо, как маленькая девочка, промурлыкала Соня. — Несите меня.

Она раскинула руки и снова зажмурила глаза.

— Желание женщины — закон! — Лактаев быстро и хватко взял её на руки.

— С-сашка, п-п-прекрати! У-убью! — преградил ему дорогу Угаров.

— Не убьёшь, урод! — грубо огрызнулся Лактаев и пихнул Соню в грудь Угарова. Весёлая игра подходила к концу. Лактаев медленным уверенным шагом стал подниматься в гору со своей добычей на руках. Он тяжело дышал и, как казалось Соне, сам был не рад своей затее.

— Поставьте меня, Саша, я сама пойду, — твёрдо и серьёзно надавливая на плечи Лактаева, попросила-приказала Соня. Он мирно подчинился, и не глядя на взбирающуюся

ся вверх девушку, достал из кармана сигареты. В тот вечер, переступив порог своей квартиры, Соня не смогла на себя в зеркало, а быстро юркнула в ванную и потом, тихо приоткрыв дверь в бабушкину комнату и увидев, что ночной светильник ещё не был погашен, забралась под одеяло и прильнула всем телом к своему самому родному человеку — к любимой бабушке.

— Ну, что, Сонюшка, загулялась ты совсем? — бабушка чуть заглубившись от постоянной кухонной работы пальцами поглаживала Соню по волосам.

— Тебе не угодишь: то заработалась, то загулялась? Я, бабуля, и заработалась, и загулялась, и... кажется, увлеклась.

— Вот новости, — бабушка мягко поглаживала внучку по спине. — Теперь это называется — увлеклась? С тобой, помнится, последнее увлечение, как ты говоришь, после окончания школы и приключилось. Только ведь это болезнь была настоящая! Помнишь? Не жалеешь — как маялась-то? А писем из Севастополя ждала — от ящика почтового не отходила. Помнишь? Я уж боялась — сядешь в самолёт, и поминай как звали.

— Нет, бабуля, такого бы не было. Он ведь мореходку любил в тысячу раз больше, чем меня... Я всё помню, бабуля, его и забыть невозможно, он какой-то особенный был, — уже прикрыв глаза, шептала Соня.

— А теперь — тоже особенный? — погасив ночник, в темноте улыбаясь, бабушка поцеловала её в щёку.

— Теперь? — Соня и сама задумалась. — Понимаешь, я его вижу и ... не вижу. Он будто ускользает куда-то или что-то не досказывает. Да и другой не отлипает, не пойму — то ли от него, то ли от меня?

Соня не заметила как, уткнувшись в родное бабушкино плечо, заснула.

* * *

«Господи! Куда я лечу? — Всё вниз, вниз — а то вдруг как швырнёт в сторону... Нет, это не я лечу — возвращается сознание к Соне. — Это в голове что-то крутится, или кто-то в моей голове поворачивает детскую игрушку: трубочку с мозаикой.» Камешки в ней позвякивают и складываются, то звёздочками, то кружками, и вдруг превращаются в чёрные кольца, разбегающиеся в стороны, и становятся огромными вращающимися колёсами. Соня кружится, держась за колёса, и не может остановиться. Она то пытается дрожащими руками натянуть на себя одеяло, трясаясь от холода, то, вся мокрая, в поту, силится стянуть с себя душную шерстяную паутину. На какие-то мгновения или часы она приподнимала тяжёлые веки и представляла себе большие искрящиеся сугробы за окном замоскворецкого особняка. «Вот поваляться бы сейчас нагишом в этой пушистой ледяной перине», — мечтала девушка, и струйки горячей влаги на её висках постепенно испарялись, пока она опять не начинала стучать зубами от колотящей её тело лихорадки.

— Приложи укусную тряпочку к вискам, — тихо говорила бабушка

и вкладывала в ослабевшую Сонину руку что-то холодное и мокрое. Дни и ночи спутались, а бредовая кутерьма, наконец, прекратилась. Соня, вытянувшись во весь рост в своей постели, вспоминала со всеми подробностями всё, что с ней случилось...

— Вызови такси, не могу больше здесь оставаться, — поджав под себя ноги и запрокинув голову на жёсткую спинку дивана в мансарде, окрипшим голосом простионала Соня.

— С-сонечка, ну что ты, девочка моя, и-испугалась? Я ведь не знал что т-ты... ну... в п-первый раз. Ф-фу, ч-чепуха какая... Я ведь люблю тебя, понимаешь, люблю! Соня... Это ведь страсть, С-соня. Я ведь обожаю тебя... Ты чувствуешь? Или т-тебе больно?

— Уже не больно, — погладив его по лицу, поцеловав прикрытые глаза, прошептала Соня. — Только зачем всё это, зачем?.. Теперь ведь мы всё потеряли.

— Глупенькая ты моя... Красавица ты моя... Как же п-потеряли? Не бойся! Мы летом в Крым поедem. Ты любишь К-коктейбель? — Соне казалось будто Угаров хочет утешить её, заговорить.

— Будем в горы ходить, плавать на закате — ты любишь? Ты м-меня любишь?

Соня смотрела в синие озёра, с нежностью глядевшие на неё. Выражение лица Угарова стало вдруг очень серьёзным, даже строгим, каким Соня его раньше никогда не видела. Она опустила лицо в его курчавую шёлковую шевелюру, всё ещё пахнущую снегом.

— Я подумаю, — прошептала она тихо-тихо ему на ухо. Саня взял её за плечи и, чуть отстраняя от себя, смотрел в упор.

— Эх ты, п-подумаю?! Ты уже подумала, раз мы сюда вместе приехали. Ты ведь не д-девочка всё-таки... Эх, п-прости, да... ч-чепуха какая-то.

Угаров обнимал Сою полураздетую, с распущенными и спутанными волосами, дрожащую и покорную, продолжая то ли заверять в любви, то ли утешать.

***

Весна наступила как-то внезапно и празднично. Заливисто зазвенели ручьи, снег полностью растаял. Москва как будто готовилась к 8 Марта. У входа в метро колыхалось облако мимозного аромата. Соня прохаживалась по своей комнате, словно заново учась ходить, время от времени поглядывая в окно, в которое настойчиво летели стрелы солнечных лучей.

— Бабуля, мне кто-нибудь звонил, — тревожно спрашивала Соня, приоткрыв дверь в коридор. И бабушка в переднике, с мокрыми руками, видно, только оторвавшись от готовки, в толстых роговых очках появлялась на пороге.

— А как же! — и Володя, и Толя, и Серёжа с Таней.

— И всё? — уже с напором спрашивала Соня.

— Да не волнуйся ты так, Сонюшка. И с работы звонили, кажется, Александр и Игорь. Справлялись, когда, мол, выздоровеешь? Приветы передавали. У тебя вроде там открытие на 20-е намечалось, не забыла?

— Не забыла, — обессилено ложась в постель, уже равнодушно ответила внучка.

«Завтра, завтра восьмое, праздник. Пусть и дурацкий. Завтра обязательно позвонит», — как мантру повторяла про себя девушка. «Ещё полдня и ночь впереди, и я услышу его голос», — лёгкая дрожь радости пробежала по всему её телу, и ожидание его звонка показалось ей теперь таким счастливым, лёгким и упоительным, глаза сами собой закрылись, чтобы было легче вообразить его облик, его полудетскую печальную улыбку, волнующие касания его рук, пахнущие снегом волосы. В передней часто звонил телефон, но Соню никто из домашних не подзывал. «Когда, когда же он, наконец, позвонит?» — Соня, крепко сцепив пальцы рук замком, неподвижно сидела на своей тахте. «Уже двенадцать часов дня... Или он стесняется? Да какое же здесь может быть стеснение — ведь Женский день. Вот глупый, дурачок какой-то» — мысли опережали одна другую, и, сбившись в Сониной голове, оставляли только сосущую боль под ложечкой в груди и лёгкое подташнивание.

— Софа! — позвала мама из коридора и открыла дверь в Сонину комнату. — Приятный баритон, кивни если он.

Соня бросилась из комнаты босиком в коридор к зелёному телефонному аппарату.

— Да, — выдохнула она, — слушаю!

— Слушайте со всем вниманием, коим обладает такая серьёзная бабышня.

Соня нахмурилась и отрицательно махнула рукой матери.

— Коленопреклонённо поздравляем вас, радость наша, с Розами, Кларами и Люксембургамии. Розочки вам сегодня непременно доставлю — всё наготове. А Клара, как вам известно, обокрадена и осталась без кораллов. Но! Заметьте, кораллы — за мной! Слово чести. А вот в Люксембург вас уж непременно кто-нибудь получше нас отвезёт. — Лактаев не давал вставить Соне ни одного слова и был в ударе.

— Здоровьице-то наше как? Отхворались? Ждём вас, Софья Алексанна, дождаться не можем. И потом в...

— Ну, спасибо Саша, — нетерпеливо прервала этот словесный поток Соня. — Спасибо, вашими бы устами... Но, кто это — мы? Или вы уж, Саша, о себе во множественном числе, как самодержец?

— Как приятно общаться с такой образованной девицей. Мы... Ну... Это весь наш мужской коллектив: Бугров, Угаров и ваш покорный слуга.

— А где Саня?! — чуть ли не крикнула Соня, позабывшая все условности и раздражённая на себя, что ей никак не удаётся прервать бесполезную болтовню Лактаева.

— Саня?! — продолжали, ни на секунду не замаявшись на другом конце провода. — Товарищ Угаров, как поря-ядочный человек поехал с женою своею, — последние слова Лактаев нараспев растягивал, — поздравлять тещу. Знаете, милая Соня, в семейной жизни теща — отнюдь не последняя персона. Поговорку слышали: Теща как роща, хоть ...

Соня уже не слушала. Она медленно опустила телефонную трубку. Её чуть качнуло в сторону и она, опираясь на тумбочку, на которой стоял телефон, всё не могла сообразить, в какую сторону её надо идти. Мама, приобняв дочь, осторожно повела её обратно в комнату. Вдруг Соня ожесточённо отбросив руку матери увидела её застывшее непониманием лицо, стоящую неподалёку высокую фигуру отца и в конце коридора чуть сгорбленную бабулю, неожиданно для самой себя чужим голосом грубо бросила:

— Отстань!

Родные испуганно молчали. Соня и сама испугалась и своего голоса, и запертой ею же изнутри двери, и бьющего в окно яркого солнца. Она видела дёргающуюся дверную ручку, тихие, но властные приказы матери:

— Софа, открой! Открой сейчас же!

Соня легла на тахту и закрыла глаза. Ей вспомнилось, как они с Саней ходили в музей Пушкина, где он недавно работал и, как, увидев там скульптуру Ниобеи, Саня сказал, по-мрачнев:

— Представляешь, как можно окаменеть от горя?!

***

И всё-таки зима не хотела уступать место весне. Во второй декаде марта снова повалил снег. Небо затянуло серовато-сизыми облаками, сосульки застыли от вновь нагрянувших морозов. Вернувшись после болезни в музей, Соня застала экспозицию почти завершённой, и на её долю выпало кропотливое и от-

ветственное задание — подготовка этикетажа. «Ракушка» и «Бриллианты» — обе, словно в предвкушении какого-то невероятного счастья, сидели друг напротив друга возле величественного макета, и, светясь радостью, наперебой подсказывая одна другой фамилии и адреса, составляли список приглашённых на открытие. Остальные молодые сотрудницы занимались более прозаическими делами. Гладили на доске огромные шторы, подшивали привезённые из ателье ламбрекены, с благоговением протирали витрины и стеклянные перегородки, отделяющие один фрагмент экспозиции от другого. Все переговаривались почти шёпотом, чтобы не сбить дуэт музейных жриц. Соня работала за своим рабочим столом в мансарде, не поднимая головы. Её подавленность коллеги списывали на недавнюю болезнь и ни о чём не спрашивали. Она тоже почти ни с кем не разговаривала, и только изредка подходила с вопросами к Марине, которая холодно отсылала её то к талмуду концепции экспозиции, то к биографическим томам. КДОИ исчезли так же незаметно, как и появились несколько месяцев назад. В особняк иногда заглядывал Игорь, его специально вызывали что-нибудь прикрутить, переставить, точнее установить направление ламп в осветительной штанге. Он приходил очень понурый, как будто бы даже пристыженный чем-то и, поднимаясь в мансарду, всякий раз клал на стол Соне букет тюльпанов. Она кивала ему, едва улыбаясь, и продол-

жала заниматься своим делом. Точность и скрупулёзность, какие от неё теперь требовались, помогали не думать об Угарове. Не думать здесь, в особняке писателя, но потом, по дороге домой, она признавалась себе, что погибает, не видя его и ничего не зная о нём. «Надо его разлюбить, забыть, вычеркнуть из своей жизни, ведь он подлец, предатель», — мучаясь, внушала себе Соня. «Какую ерунду я несу, — уже стыдила она себя. — Он тоже влюбился. Влюбился — и не смог остановиться! А если бы я... Что было бы тогда?..» — уже с ужасом думала Соня, смотря в тёмное вагонное стекло. Но широко распахнутые васильковые глаза, грустная и какая-то беспомощная его улыбка, незабываемый вкус его поцелуев — вот каким был для неё настоящий Саня. «Ведь он любил меня, любил до боли, голову потерял... Это ведь счастье, что он был! Был?.. А где же он сейчас? Со своей женой? И без любви ко мне? — Соня отчаянно сдерживала слёзы и крепче хваталась за металлический поручень. — Чего же я хочу теперь? Только одного: чтобы он сказал, что любит так же, как прежде. Но...»

Соня не знала, чего она хотела бы от него услышать. И в эти мартовские дни, сидя в мансарде, она вздрагивала всякий раз, когда по вечерам звонил телефон в первом этаже особняка. «Он позвонит, позвонит, не сможет забыть...»

Вьюга гуляла по Замоскворечью, шарахаясь, то в одну улицу, то в другую, шныряя по переулкам, взлетая снежными хлопьями высоко к небу. Снова покрывались искристым пу-

хом заледенелые тротуары и омертвевшая земля садов. Соня в обеденный перерыв вышла на Пятницкую. Метель застилала всё перед глазами, и не было видно ни одного пешехода, ни одной машины. Холодный свежий ветер сшибал с ног. «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч...» Бабуля, ты мне читала на ночь именно эти строки, почему? — Обжигаяще враждебно-ледяные струи хлестали в лицо — вьюга смеялась. — Как тебя задобрить бы? — взмолилась Соня. — Вьюга, вьюга, ты вольна, ты поможешь мне одна, — дрожа от холода, бормотала, закрываясь от ветра девушка. — Боже мой! До чего я дошла? Уже стихоплётствую на ходу!»

«Если он сегодня не позвонит, значит, не позвонит никогда», — услышала Соня невесть откуда долетевший ответ. Да, да! Соня ничего не решала, приказывала Вьюга. «Хорошо, — покорно согласилась Соня, — но давай поиграем с тобой в одну детскую, но страшную игру! — Девушка вновь закрыла лицо от колючего ветра. — Ты согласна, Вьюга?.. Если мне встретится какой-нибудь человек и о чём-нибудь спросит меня — а вокруг ведь ни души — тогда Саня сегодня же позвонит мне. Ты слышишь, Вьюга? Я загадала!» Ветер притих, снежинки медленно порхали в туманной мгле. Соня уходила всё дальше и дальше от особняка, уже не защищая лицо, дышала полной грудью густым, снежным воздухом. Она дошла до конца Пятницкой, заглянула в кафетерий и жадно выпила чашку горячего какао. «Теперь опять, наверное, заболела, — обречённо

промелькнула мысль. — Никого я не встречу, это — бред! Такой же бред, как тогда, в лихорадке». Обратна она шла уже торопясь. Холодный ветер задувал под полы дублёнки, а пурга сыпала на землю буранные столбы.

«Сейчас надо перейти на другую сторону улицы...» Соня замерла от удивления. Выросший словно из-под земли мужчина, извинившись, наклоняясь к ней, почти прокричал свой вопрос: «Метро здесь есть поблизости?» «Чудны дела твои, Господи!» — вспомнила Соня любимое бабушкино восклицание. Уже вприпрыжку девушка вбежала в особняк. «Как Вьюга ответила мне! Подошёл и спросил! Счастье, счастье! Саня!» Все окна-соты мансарды морозный мартовский вечер разукрасил прихотливыми узорами. Соня ходила из угла в угол, кутаясь в бабушкин платок, так и не отогревшись после улицы. Все её вещи, которые прежде она привольно бросала на кожаный диван, теперь висели на рабочем стуле, вешалке или просто лежали на письменном столе. «Через два дня сдавать весь этикетаж. Ещё дня три его будет проверять “Ракушка”, а на следующей неделе — уже и долгожданное всеми открытие нового московского музея». Соня настежь открыла дверь из мансарды на лестницу — там, на первом этаже стоял общий служебный телефон. Она вся превратилась в слух. Кто-то ещё оставался работать внизу. Соня осторожно, стараясь не скрипеть ступеньками, спустилась в музейный зал. Большая хрустальная люстра, точно такая же, как уверяла «Бриллианты», что висела в

доме писателя в его молодые годы, ярко освещала подготовленную, смонтированную экспозицию — новый музей. Маленькая дверца, ведущая в комнату, бывшую когда-то кладовкой, а теперь — святая святых для сотрудников — кабинет «Ракушки», была чуть приотворена. Соня остановилась в нерешительности. «Уже семь часов вечера, все разошлись, и сегодня не моё вечернее дежурство. Сегодня дежурит как раз наша научная руководительница... Так она будет сидеть до упора. Как разговаривать с Саней — слышен каждый шорох».

— Кто там ходит? — чуть надтреснутым от курения голосом прозвучал вопрос из комнатки-кабинета. — Софья, вы что ли? Не закончили ещё?

— Нет. Надо бы ещё поработать, — умоляюще отвечала молодая сотрудница. — Я могу подежурить, если разрешите, мне ещё многое надо перепроверить. Я могу всё печатать за вас.

Соня сама была противна себе и за просительный тон, и за навязчивость своего предложения и за страх, что каждую минуту может раздаться звонок, и его услышит «Ракушка».

— Договорились, голубушка, кто последний закончит работу, тот и печатает, — примирительно и определённо закончила разговор Сонина начальница.

Дверь резко затворилась изнутри кабинета, и Соня с облегчением прикрыла глаза, стоя под сияющей люстрой. Потом она поднималась вверх в мансарду, как будто шла на эшафот — ступенька за ступенькой.

Об этикетках не могло быть и речи. Сгущающаяся темнота за окнами томительно высасывала из неё надежду.

— Я уйду, до завтра, — выстрелила громким голосом в открытую дверь мансарды уходящая «Ракушка». Соня стояла, прижавшись спиной к ледяному окну, и всё смотрела на кожаный гуттаперчевый диван. Он, притаившись, молчал и чего-то ждал от Сони. «Разрезать его ножом, что ли, и тогда его выбросят...» — с испугом и отвращением смотрела Соня на него, как на притихшего дикого зверя. Диван, крепкий и налитой, стоял, выпятив упругую толстую спинку. Диван знал, что он не позволит, диван знал и молчал. Толстяк был заодно с пропавшим Угаровым и теперь ненавидел Соню и презирал её. «Я тебя тоже ненавижу», — бледными губами прошептала она. Внизу, в зале, часы били десять. «Били себе били, били и убили», — ответила Соня часам после десятого удара. Ответила вслух, злобно и безнадежно. Она быстро собрала разложенные карточки-этикетки, всё без разбору закладывая в ящики стола. «Быстрее бежать отсюда, быстрее!» Мгновенно натянула высокие сапоги, схватила сумку и голубой шарф со спинки стула, сорвала с вешалки дублёнку. Опрометью сбежала с лестницы, одеваясь

наспех уже перед входной дверью.

«Господи! — спохватилась. — Опечатывать всё ведь надо», — молнией вспыхнуло обещание.

Руки дрожали и не слушались. Круглая металлическая печатка как нарочно вывёртывалась из пальцев и не желала вдавливаться в затвердевший пластилин. Это простое и прежде такое приятное занятие, как опечатывание музейного пространства, сейчас превратилась в пытку.

«Быстрее, дура, быстрее! — грубо подгоняла себя Соня. — Так тебе и надо! Раззява! Кому поверила? — выюге поверила! Она же — лгунья, она ведь посмеяться надо мной хотела. Поигралась в приметы!? Ну что — получила?!»

Слёзы вдруг брызнули из карих воспалённых глаз, побежали быстрыми струйками по лицу, солёным привкусом наполняя рот. В растёгнутой дублёнке, с мокрым лицом Соня передавала на крыльце ключи от входной двери сторожу дяде Мише.

— Кто-то звонит — слышите? Телефон, говорю, зазвенел, — приложив ухо к замочной скважине, тревожно сообщил сторож.

— Поздно! — глубоко вздохнув, спокойно и твёрдо отвечала Соня. — Экспозиция опечатана. Прощайте.